

ко забывает васъ, что не зависить отъ васъ въ разсужденіи содержанія и свободенъ отъ вашего вліянія тѣмъ разстояніемъ, которое раздѣляетъ его съ вами. Однимъ словомъ: вы почитаете меня мальчишкой, который вышелъ изъ училища и, встрѣтившись на улицѣ съ своимъ прежнимъ учителемъ, дразнить его языкомъ, зная, что онъ не можетъ уже высѣчь его розгами. Повѣрьте, что сынъ вашъ заслуживаетъ лучшаго о себѣ мнѣнія, нежели какое вы о немъ имѣете. Гдѣ бы я ни жилъ, чѣмъ бы я ни былъ, я всегда буду почитать священнѣйшею обязанностью быть добрымъ сыномъ, любить и уважать своихъ родителей и признавать надъ собою ихъ власть, которая есть важнѣе, законнѣе и священнѣе всѣхъ властей въ мірѣ. Я не хочу философски изслѣдовать, есть ли любовь и уваженіе къ родителямъ чувство, внушенное природою, или оно есть слѣдствіе внушенныхъ съ младенчества правилъ, или что-нибудь другое. Я способенъ питать это чувство, почитаю его святымъ, возвышеннымъ: этого для меня довольно. Вы... не должны подозрѣвать меня въ низости чувствъ и подлости образа мыслей. Опять повторяю вамъ, что я не мальчишка, котораго должно съечь, чтобы заставить хорошо вести себя, не грубый мужикъ, котораго должно бить дубиною, чтобы заставить что-нибудь почувствовать. Вы, маменька, просили Лукерью Савельевну обругать меня вашимъ именемъ: радуйтесь и веселитесь! Она съ дипломатическою точностью повторила мнѣ ваши *ласковыя и благородныя* слова. Я не хочу говорить вамъ о *неприличности* этихъ словъ, о крайнемъ *неблагородствѣ и низости* выраженій; замѣчу только мимоходомъ, что это уже слишкомъ, слишкомъ... Но мнѣ уже не привыкать къ подобнымъ поступкамъ со стороны моихъ родителей... Не хочу договаривать: можетъ быть, и сами поймете..."

Москва. 3-е марта 1831 г. 1).

"...Вы уже знаете, — какимъ горестнымъ событіемъ ознаменовалась моя попытка напечатать первое произведение пера моего. Это событие для меня тѣмъ горестнѣе, тѣмъ убійственнѣе, что я черезъ него слишкомъ, слишкомъ многого лишился. Смѣло могу сказать, что мое произведение было бы расхвачено въ мѣсяцъ и доставило бы мнѣ, по крайней мѣрѣ, тысячъ шесть. Сами посудите: чего бы въ такомъ случаѣ стоило мнѣ пожертвовать какихъ-нибудь триста или много-много шестьсотъ рублей на то, чтобы вырваться изъ пакостной, проклятой бурсы... Въ надеждѣ вырваться изъ нея я полагалъ все счастье моей жизни, на ней основывалъ все зданіе моего настоящаго и будущаго благополучія. Уже эта сладостная надежда исполнялась, — но судьба улынулась насмѣшливо — и ея не стало!..."

Москва. 21-е мая 1832 г. 2).

8. „Давно уже не писалъ я къ вамъ; не знаю, въ хорошую ли или въ дурную сторону толкуете вы мое молчаніе. Какъ бы то ни было, но на этотъ разъ я желалъ бы не умѣть ни читать, ни писать, ни даже чувствовать, понимать и жить! Каковымъ вамъ кажется это вступленіе? Но погодите, не торопитесь: это еще цвѣ-

тики, а вотъ скоро попотчуютъ васъ и плодами... Не радостны были всѣ мои письма съ самаго проклятаго холернаго года; но теперь я не могу безъ ужаса и подумать о томъ ударѣ, которымъ готовлюсь поразить васъ, мою мать..."

„Девять мѣсяцевъ тайлъ я отъ васъ свое несчастіе, обманывалъ всѣхъ чембарскихъ, бывшихъ въ Москвѣ, лгалъ и лицемѣрилъ, скрѣпя сердце... но теперь не могу болѣе. Въдъ когда-нибудь надобно же узнать вамъ. Можетъ даже быть, что вы уже знаете, можетъ быть, вамъ сообщено это съ преувеличеніями, а вы — женщина и мать... Чего не надумаетесь вы? При одной мысли объ этомъ сердце мое обливаётся кровью. Я потому такъ долго молчалъ, что еще надѣялся хотя сколько-нибудь поправить свои обстоятельства, чтобы вы могли узнать объ этомъ хладнокровнѣе... Я не щадилъ себя, употреблялъ всѣ усилія къ достиженію своей цѣли, ничего не упускалъ, хватался за каждую соломинку и, претерпѣвая неудачи, не унывалъ и не приходилъ въ отчаяніе — для васъ, только для васъ. Я всегда живо помнилъ и хорошо понималъ мои къ вамъ отношенія и обязанности, терпѣлъ все, боролся съ обстоятельствами, сколько доставало силъ, трудился и, кажется, не безъ успѣха. Вотъ въ чемъ дѣло. Вы знаете, что проходилъ уже четвертый годъ, какъ я поступилъ въ университетъ; вы, можетъ быть, считаете по пальцамъ мѣсяцы, недѣли, дни, часы, минуты, насъ раздѣляющіе; думаете съ восхищеніемъ о томъ времени, о той блаженной минутѣ, когда, неожиданный и незванный, я, какъ снѣгъ на голову, упаду въ объятія семейства кандидатомъ, или, по крайней мѣрѣ, дѣйствительнымъ студентомъ!.. Мечта очаровательная! И меня обольщала она нѣкогда! Ну, увѣ! въ сентябрѣ исполнился годъ, какъ я *выключенъ изъ университета!*... Предчувствую, что это будетъ вамъ стоить большихъ слезъ, тоски и даже отчаянія, — и это-то самое меня и сокрушаетъ... Но, маменька, все-таки умоляю васъ не отчаиваться и не убивать себя безплодною горестью. Есть счастье и въ несчастіи, есть утѣшеніе и въ горести, есть благо и въ самомъ злѣ. Я видѣлъ людей въ тысячу-тысячъ разъ несчастнѣе себя и потому смѣюсь надъ своимъ несчастіемъ..."

„Теперь въ короткихъ словахъ расскажу вамъ мою печальную исторію. Вышедши изъ больницы, я просилъ Голохвастова, чтобы онъ, изъ уваженія къ моей долговременной болѣзни, позволилъ мнѣ въ концѣ августа или въ началѣ сентября (1831 г.) держать особенный экзаменъ. Онъ, хотя и не обѣщалъ исполнить моей просьбы, но и не отказалъ, а сказалъ: „хорошо, посмотримъ“. Я остался въ надеждѣ, и съ половины мая до самаго сентября, несмотря на чрезвычайно худое состояніе моего здоровья, работалъ и трудился, какъ чортъ, готовясь къ экзамену. Но экзамена не дали, а вмѣсто его увидѣли меня о всемілостивѣйшемъ увольненіи отъ университета..."

„Я не буду говорить вамъ о причинахъ моего выключенія изъ университета: отчасти собственные промахи и нерадѣнія, а болѣе всего долговременная болѣзнь и подлость одного толстаго превосходительства. Нынѣ времена мудренныя и тяжелыя: подобныя происшествія очень не рѣдки..."

1) Рус. Стар. 1876 г. I. Стр. 80.

2) Рус. Стар. 1876 г. I. Стр. 85—87. (Письмо къ матери.)